

Светлана Олексенко

ЕДИНСТВЕННАЯ ЗВЕЗДА

ДЕРЕВНЯ АНАНАСОВО

Не вымысел, но верится с трудом –
среди убогих сёл Нечерноземья
вдруг вырастают всем на удивленье
то царский терем, то голландский дом.

Голландский дворик пышен и богат –
породны псы, вальяжен хвост павлина...
В голландском доме кушают маслины
и о погоде чинно говорят.

Беседка утопает среди роз –
старается обученный садовник,
и тянет бирюзу в себя шиповник
из неба цветом в медный купорос.

Шумит тенистая аллея лип,
где строй стволов величественно-важен,
а на заборе, в пёстрое разряжен,
петух от песен радостных охрип.

Прохладным вечером зажгут камин,
и, кутая в меха нагие плечи,
хозяйка скажет: «Принесите свечи
и уберите от огня жасмин...»

И музыка прольётся в тишину,
рояль подарит торжества аккорды,
на стол сойдут с полотен натюрморты,
созвучные пунцовому вину.

...За витражами загустеет ночь.
Во тьму отступят крыши деревеньки –
так отступают нищие калеки,
когда богатые их гонят прочь.

Невольно тёмный перекрестит лоб
на витражи проходя старушка,
беззубым ртом откусит от горбушки,
платка потуже стянет узелок...

Рассвет оранжевым ростком взойдёт,
и, опрокинув вниз лучи косые,
вновь солнце изумлённое России
голландский дворик золотом зальёт.

ЗВЕЗДОЧЁТ

Во сне ко мне приходит звездочёт,
он стар и сед, он бороды не бреет,
он талую звезду в ладонях греет
и песню бесконечную поёт.

«Запомни наизусть, что счастья нет,
но есть покой, и есть свобода воли,
и справедливость Богом данной доли.
Тебе темно? Иди на звёздный свет! –

Туда, где нет начала и конца
надмирного полночного покрова,
где Млечный Путь, как млечная корова,
бодает в бок упрямого Тельца.

Тебе когда-то дорог был дуэт
и каждый круг погибельного танца
с привычкою сгорать и возрождаться,
и повторяться в суете сует –

не скучен ли круговорот такой?
Чего бы ты у жизни ни просила,
запомни твёрдо: твой источник силы
в делах, где правят воля и покой».

СНЕГ

Через оконное стекло
пересмотрю картину мира:
что было сумрачным и сирым,
теперь нарядно и светло.

В камине плещется огонь
на лицах старых фотоснимков,
где мы с тобой горим в обнимку,
глаза в глаза, ладонь в ладонь.
Уже очистилась огнём
прямая речь стихов и писем,
и обернулась пеплом сизым,
и уплыла за окоём
прозрачной дымкой.
Снег летит,
как манна, посланная свыше...

Издалека – едва, чуть слышно
по ком-то колокол звонит.

ПЕРЧАТКА

А. И.

Лёгкая позёмка зашуршала.
Зимний вечер. Зодиак в Стрельце.
Птицею подстреленной лежала
дамская перчатка на крыльце.
Холодно... И страшно ей до дрожи,
пропадая в сумерках густых,
чувствовать изысканною кожей
гибельность ступенек ледяных.

Дама за потерей не вернётся,
и не скрипнет, открываясь, дверь.
Пусть за этой дверью остаётся
самая большая из потерь!
Пусть перчатке в сумраке крошечном
снятся сны – прекрасны и легки,
как прикосновенье пальцев нежных,
как тепло уютное руки...

А зима по городу шуршала,
бил копытом зодиак в Стрельце...
Никому не нужная, лежала
дамская перчатка на крыльце.
И в её застывшую ладошку,
словно отвечая на мольбы,
бросил ветер ледяную крошку –
точку на линии судьбы.

* * *

Как тоскует по звезде упавшей
предвечерний яблоневый сад!..
Спелой охры до краёв набравший,
бродит нерастроченный закат.

Книги недочитанной страница,
фабулы запутанная нить...
И финал уже не отменить,
всё должно когда-то завершиться.

Наш сентябрь во власти эпилога –
дело за последнюю строкой.
Вслед за унесённую листвою
новый лист срывается в дорогу –
по бульварам, осенью пропахшим,
где мерцают поздние цветы,
словно отблеск без вести пропавшей –
навсегда единственной – звезды.